

Самоубийство рассказ-фантазия

Алексей Маркс

2023-09-05

Contents

Самоубийство

1

Самоубийство

рассказ-фантазия

Алексей Маркс

Мерзопакостнее погоды трудно было бы придумать. В такую погоду добрые люди дома сидят. Но по Красному проспекту брел человек, которому был безразличен колкий, холодный осенний дождь, проводящий своими струями на его лице сеанс иглотерапии. Дождь словно сам удивлялся такой пренебрежительной реакции на него, ведь он выгнал пешеходов даже с самого людного проспекта города. Дождь силился и собирал всю свою ноябрьскую мокряще-леденящую жуть, в надежде прогнать странного человека с улицы, и тем самым победить всех в этом городе на сегодняшний вечер.

В редких и грязных машинах водители жались в свои кресла от виденного за стеклами, включали сильнее печки, и рвали со светофоров домой.

Угрюмые, черно-сине-серые тучи, про которые не зря говорят – свинцовые, из-за их тягостно-удручающего впечатления, стращали своим видом народ, проплывая чуть выше двадцатиэтажек. Все чаще из-за этих небесных нагромождений вырывались огненные струи молний и тут же шарахали раскаты грома. Широкие и глубокие дождевые ручьи собирали с улиц городскую грязь и забивали ей водостоки, образуя пенные, с цветными химическими разводами озёрца. Городские синоптики утверждали в этот день с экранов телевизоров, что лет 30 назад,

в начале 21-го века, такой погоды не могло быть в Сибири: чтобы в ноябре, да леденящий ливень с громом! Но все меняется в этом мире и климат не исключение.

Время было еще не позднее, часов девять. Станный, будто потерянный человек все шел вперед. Он прошел пешком уже шесть остановок городского транспорта, не сбавляя свой монотонно-упорный темп. И продолжал двигаться дальше, сквозь раздирающие его лицо и грудь струи ливня. Серый плащ был расстегнут, поэтому синий пиджак и брюки были изрядно мокры. На белой рубашке болтался весь вымокший и не серьезный галстук. Он был небрежно полуразвязан, но не снят. С темных волос на пухлые щеки и такой же подбородок стекали струи воды. Этого странного, идущего в дождь человека звали Антон Брындин. Он шел с работы. Причем шел навсегда с этой работы. Его уволили. Уволили как-то не по-человечески, мерзко, исподтишка: только вышел Брындин на работу радостный и отдохнувший после отпуска, как в этот же вечер его вызвал к себе хозяин магазина и сказал страшную для Антона вещь, причем сказал это совершенно безразличным холодным как этот осенний дождь тоном: «Антон Геннадьевич, мы Вас знаем несколько лет как хорошего исполнительного работника. К Вам никогда у нас претензий не было. Ваш карьерный рост может быть примером другим. И вот в этом есть парадокс и главное наше недовольство. Ваш нынешний бонусный уровень позволяет Вам получать наивысший процент с продаж в нашей фирме. Нам Вы стали не интересны в плане выплаты вознаграждения. На Ваше место мы планируем взять двух новых менеджеров. Наша торговая марка теперь более чем раскручена. А подавать товар покупателям можно и за меньшие бонусы. Советуем без препираний взять денежную сумму (он указал на конверт на столе), согласиться с ней, иначе два выговора будут внесены в ваш трудовой файл. А после этого перспектива найти другую работу станет для Вас более чем призрачна».

Вот такой разговор состоялся чуть более часа назад. Мало сказать, что Брындин не верил своим ушам. Он перестал ощущать себя в этой жизни. Его не то, что подкосили, его срезали, зарубили, искромсали. Ведь он, Брындин, с самого открытия начинал работу в этой фирме. Даже хватался не за свое: разгружал коробки, развешивал рекламные щиты. Брындин свято верил, что от него в большой степени зависит успех общего дела. Если он недоработает, то может пострадать бизнес в целом. Новичкам ставили Брындина в пример. Хозяин всегда его хвалил. В магазине, на входе, на самом видном месте висела фотография, где рядом с хозяином магазина

стояли иностранец - владелец торговой марки, и счастливейший из людей продавец Брындин. В последний год Брындину разрешили даже выделить из подсобки отдельный закуток под его личный кабинет. И это была вершина счастья для Антона. Он сам сделал там ремонт. Развешал какие-то фотографии на стенах. Даже повесил портрет президента страны и очень гордился этим. Ни у кого из продавцов не было кабинета. А у него был! Это настолько воодушевило Антона, что он начал бешено продавать товары. Другие продавцы были в шоке, а покупатели в экстазе. Брындин бесплатно ездил к ним домой устанавливать проданную им же аппаратуру. Если люди заходили в магазин в поисках техники не брындинского Товарного знака, то уходили довольные, только уже с брындинским. Такая пруть веселила и радовала хозяина. Но некоторое время назад дотошный бухгалтер просчитала, что бонусы Брындина съедают слишком много прибыли хозяина. И расплата была моментальная: увольнение. Много ли зарабатывал Антон? В последнее время - прилично. Он был абсолютно уверен в том, что если бы так было всегда, то от него не ушла жена.

Брындин все шел куда-то вперед, не замечая уличного потопа. И в какой-то момент он не приподнял повыше мокрый ботинок и зацепил полноводную лужу пенистой грязи. Плюх! Брызги даже влетели в глаза. Пришлось остановиться. Антон ошалело осмотрел себя, словно стараясь понять, он это еще или его уже нет. «Куда я иду? Где я?» - он терзал свой мозг вопросами, - Как жить? Что теперь делать?» В эту же секунду в его собственной голове кто-то посторонний, но сочувствующий и добрый подсказал: «Напейся с горя! Чем не выход - залить организм водкой. И сразу полегчает!»

Полегчает ли? Антон этого не знал. Подобное психическое состояние было у него впервые. И насколько будет эффективно антистрессовое свойство алкоголя в данном случае, Антон знать не мог. Даже когда от него уходила жена, Брындин не испытывал такого тягостно чувства безысходности, ведь тогда у него еще оставалась работа, которой он самоотверженно посвящал себя.

С подсказочки не прошло и нескольких секунд, как Антон увидел сквозь полосы ливня, гонимые встречным ветром, мигающую зазывную вывеску - «Кафе». Сознание включило автопилот. Он направился в сторону огня, подошел к лестнице, ведущей вниз на цокольный этаж к дверям заведения, уверенно открыл дверь, быстро прошел небольшой коридорчик, не раздеваясь и не обращая внимания на приглашение

молоденькой администраторши посетить гардероб, и устремился к барной стойке. Очереди в баре не было, как, впрочем, и особого количества людей в зале кафе. Но это не замечалось Брындиным. Для него был указан единственный спасительный путь – бар и человек за стойкой, которому надо только сказать волшебное слово – «водки!» Антон не заметил, как у него тряслись руки, когда он рассчитывался за графин «белой» и за втюханную ему хитрым барменом не свежую ярко-розовую колбасную нарезку на тарелке. В баре, на жутко неудобных высоких крутящихся стульях он бы не усидел. Сам, без помощи официантки, взял свой заказ и поплелся в угол кафе. Опустился в нечто похожее на кресло. Налил почти полный стакан водки. И, не выдохнув, как надо было бы, стал вливать в себя спасительную, как он думал, жидкость. Несколько глотков он даже не чувствовал запаха и горечи водки, но после полстакана стал задыхаться от своего неумелого лакания. И закашлялся прямо в стакан. Причем, громко, чуть ли не навзрыд. Подошла официантка и поинтересовалась у Брындина, все ли у него в порядке.

«Вот это вопросик!» - промелькнуло в голове у Антона, когда он откашлялся, а на глазах проступили предательские слезы не то от кашля, не то от жизни такой.

- Нет, девушка, у меня не все в порядке. Даже наоборот – все очень плохо! – ответил грустно Антон, и стал наливать себе еще водки.

Девушка поняла, что все как обычно и удалилась.

Взяв в руки стакан, Антон поднес его ко рту. В этот раз дурной резкий запах уже дал в нос. Антон инстинктивно тряхнул головой. Выдохнул и выпил. Растекшийся по организму спирт, начал свою антистрессовую психотерапевтическую обработку. Захорошело.

- Как все до мерзости просто! – подумал Антон. – Пять минут назад я почти умирал и не понимал, где я и что я. А теперь, всего-то лишь из-за стакана вонючки, я прихожу в себя. И мне становится даже как-то легко, свободно и хочется наплевать на все проблемы, – он усмехнулся от своей мысли и еще хлопнул полстакана водки.

Антон не курил уже лет десять, но сейчас подумал о сигаретах. Позвал официантку и попросил принести пачку Лайта. Пока неслась пачка, Антон снял с себя мокрый плащ, повесил его тут же рядом на спинку свободного кресла, и только теперь ощутил себя ужасно промокшим и порядком озябшим.

«Надо выпить еще», - кто-то опять заботливо советовал ему в

голове.

«Спасибо, добрый человек, за подсказку», - ответил сам себе Антон, но произнес это вслух и тем самым вызвал кривую надменную улыбку бармена.

Антон заметил разъехавшиеся в стороны губы парня, но связываться не стал. Ему было не до того. Он даже подумал: «Вот и ты смеешься надо мной! Ты, который должен с почтением смотреть на посетителей, чтобы не лишиться работы. Но и для тебя я не клиент, а так, пьяная бесхребетная случайность».

-Брр-р! - это прозвучало расслабленной мускулатурой щек и губ лицо Антона, когда он ладонью сверху ото лба вниз до подбородка провел рукой и подпер кулаком голову.

Лениво всунул в рот несколько нарезанных колбасок. Их испорченный вкус не проявился никак на обожженном водкой языке.

- А вот и сигареты пришли, - сказал Антон, взял пачку, раскрыл ее и прикурил сигарету от протянутой официанткой зажигалки.

Дым, одурманив плоть, повалил из тела Антона.

«Как хорошо и одновременно хреново», - думал он. - Что теперь? Как жить, куда идти?.. И надо ли теперь жить?.. И куда-то идти? Может, хватит землю топтать своими кривыми ножками?..»

Весь последний год он был поглощен одной лишь целью: вернуть домой бросившую его жену. От того и пахал без устали и почти без выходных. От того и приводил в порядок свою однокомнатную квартирку, заставив ее недорогой, но нравившейся ему мебелью. Он мечтал, что уже совсем скоро сможет осуществить свой план: купить огромный букет роз, примчаться к своей жене и броситься перед ней на колени. И умолять вернуться в их, теперь уже безбедную, квартирку. Он понимал и представлял себе, что она не тут же внемлет его мольбе, но потом, всего лишь через несколько минут, он возьмет ее за руку, доставит на такси до дома, введет в квартиру и она обомлеет от уюта и красоты. Сразу в прихожей жену встретит огромное зеркало, о котором она давно просила Антона. На кухне жена обрадуется новому гарнитуру и холодильнику. А в комнате их будет ждать широкая кровать, с большими мягчайшими подушками. И она, наконец, поймет, что в этом мире есть для нее только он один - Антон». Так в голубых, идиллических мечтах рисовалось Брындину весь год. А что же теперь? А теперь - крушение всех планов!

Еще каких-то несколько месяцев назад он сам оправдывал

решение жены его бросить и рассуждал так: «Конечно, кому хочется жить от зарплаты до зарплаты, перебиваясь займами у соседей, и выпрашиванием денег у родителей. В тридцать-то лет! Вполне объяснимый поступок – уйти от мужа, не умеющего обеспечить нормальную семейную жизнь!» Но ситуация еще усложнялась тем, что полной семьи у Брындиных не могло быть. Из-за Антона. И никакие таблетки, которые он пил, ему не помогали. Хотя, может быть, какие-нибудь другие лекарства и помогли бы. Дорогие. Но на них не было денег, потому, что всегда возникали безотлагательные расходы, например, пылесос или туфли жене. Замкнутый круг, какой-то. И вот теперь, брошенный женой, выкинутый хозяином с работы, он сидел пьяный в полуподвальном кафе, рядом с какими-то нетрезвыми сосущимися в противоположном углу малолетками и горевал горе свое разлитое. «Хорошо, что друг у меня остался! – сказал про себя Антон. – Несмотря ни на что – друг! Ведь он не стал предавать меня за спиной, когда к нему ушла моя Нинка! Он – друг! Он сразу сказал мне об этом! – но через паузу сигаретной затяжкой обреченно добавил: – Хотя какой это, на хрен, друг!»

«Надо выпить» - опять прозвенел колокольчик в голове Антона и он, с готовностью и благодарностью отозвался на предложение.

- Девушка! Еще графинчик беленькой и нарезки, будьте любезны! – весьма вежливо, но уверенно потребовал созревший клиент.

Официантка мотнула головой и пошла за заказом к бару.

Антон прикурил сигарету от оставленной официанткой зажигалки, чуть откинулся на спинку не глубокого кресла, положил вальяжно ногу на ногу и стал рассуждать, мысленно задавая себе уничтожающие вопросы, на которые сам и отвечал:

«Ну и что?! И кто я в этом мире? Что я делаю здесь? Нужен ли я кому? От моего присутствия или отсутствия что-нибудь изменится в этой жизни? Нет, нет, и нет! – он стал прикуривать очередную сигарету, а глаза затуманились пьяными слезами, которые потекли и от жалости и от пренебрежения к себе. Он самоубийственно продолжал: - Имя мое – Никто, а лучше Ничто! Зачем нужна эта никчемная жизнь? Зачем она была мне дана? Эх, был бы пистолет в кармане. Раз – и освободился сам и других от себя...».

Здесь он даже как-то обессилено вздохнул, откинул голову с закрытыми глазами назад за плечи, и тут же уронил ее подбородком на грудь. Так голова провисела несколько секунд,

пока не подошла официантка и не поставила на стол графин с водкой и тарелку с нарезкой.

- Вам плохо? – спросила она.

Но тут же увидела дурацкую улыбку на поднявшейся голове и поняла, что клиенту теперь хорошо. Понимающе улыбнулась в ответ и отошла.

Антон налил еще водки. С превеликим удовольствием выпил ее, уже не морщась. Закидал в рот колбасы и окончательно захмелел. Его расплывающийся взгляд натолкнулся на физиономию бармена. Тот уже не улыбался. Он был безразличен к этому или любому другому клиенту, с той разницей, что перед щедрым посетителем его модель поведения была другой, нежели перед таким, как Брындин. Антон вспомнил недавнюю глумливую улыбку этого паренька, и от своего нетрезвого безрассудства поднялся со стула и пошел к бару. Надо сказать, что такое поведение гостя не вызвало удивление бармена. Подобное в порядке вещей в пьяных барах, когда клиент приходит пить один, без собутыльников, доходит до «кондиции», «созревает» – вот тогда ему становится необходимым общение. А за не имением других собеседников, путь один – к бармену.

Антон, пошатываясь, подошел в барной стойке. Вежливо расплылся в улыбке и сказал:

- Простите, не знаю, как Вас зовут?

Бармен повернулся бейджиком к Антону.

- Ага, понял, Сергей! – Антон остался доволен своей сообразительностью.

- Так вот Сергей, я Вас не отвлекаю? – вопрос был, прямо скажем, глупый, бармен и так ничего не делал, не считая бесконечного зависания в соцсетях или натирания стаканов.

- Нет, пока не отвлекаете, – бармен сделал определенное усилие, чтобы скрыть неприязнь к пьянице и продолжил медленно полировать льняной тканью бокал на ножке.

- Тогда позвольте Вас спросить кое о чем?

- Ну, попробуйте, – снисходительно ухмыльнулся бармен.

- Спасибо. Так вот, Сергей, Вы довольны своей жизнью?

- В смысле? – переспросил бармен. – Нравится ли мне моя работа, что ли?

- Ну да, и это тоже. И в семье у Вас как дела? Как люди воспринимают то, чем Вы занимаетесь? Считаете ли Вы, что не зря на этом свете живете? И, вообще, как Вы думаете, не

случайный ли Вы человек в этом мире?- иногда запинаясь, но, все же, довольно четко задал сразу несколько вопросов Антон.

Тут же забыв о нормах приличия, бармен вплотную придвинулся к Антону и почти в лицо ему жестким шепотом ответил:

- Думаешь, что я такой же неудачник, как и ты, раз стою за барной стойкой и водку тебе наливаю? Ошибаешься! На этом свете ничего не бывает случайно, как и наша встреча с тобой, – и, отринув от недоумевающего Антона, продолжил уже обычным голосом: - Нормальная у меня работа, не хуже, чем у других. И жизнь у меня нормальная!

Антон несколько секунд молчал, тупо глядя в пол и переваривая информацию. Он не стал ругаться. Собственно, это и просчитал бармен. Не тот клиент, чтобы поднимать шум.

В подтверждение этих мыслей бармена, Антон лишь произнес:

- А у меня жизнь не нормальная! Ни работы, ни семьи, ни друзей, ни, собственно, жизни! Вот! Наливай! – скомандовал Антон и бармен, уже без злости, а с удовольствием, налил полную рюмку Антону.

Пока Антон пил, бармен пристально смотрел на него.

- Знаете что, - вдруг обратился к Антону бармен, когда тот допил и крикнул, - я вижу, вы человек серьезный, раз такие вопросы задаете. Могу один телефончик подсказать, где люди помогут распорядиться по Вашему усмотрению Вашей жизнью, - заговорщически сказал он и впился своими глазами в глаза Антона.

Вот только сейчас Антон заметил, что один зрачок у бармена был зеленого цвета правильной формы, другой же – коричневый и кошачий. Заостренные раковины верхушек ушей выглядели из-под длинных волос. Тонкие линии губ чернели в тусклом свете и извивались вслед за словами.

- Хм, как это? Теперь я Вас не понимаю, – удивился предложению Антон, - в каком смысле – распорядиться?

- Да Вы не волнуйтесь, - очень мягко и приглушенно, чтобы никто не услышал, говорил бармен, - все совершенно законно и официально. Вы можете очень выгодно обменять оставшееся количество дней Вашей, как Вы сами недавно совершенно точно определили, никчемной жизни, на огромные деньги! Это, прямо, удача какая-то, что мы с Вами встретились! Позвоните прямо сейчас! Люди приедут и все устроят в лучшем виде!

Антон обалдел, но не перебивал.

«Откуда он узнал про «никчемную жизнь»? Неужели я проговорил это вслух?» - подумал он, смутившись.

А бармен со знанием дела продолжал:

- Вас отвезут в уникальный медицинский центр, в шикарную больничную палату. Проведут необходимые обследования организма, а затем вычислят предельный срок Вашей жизни, – Лицо бармена было настолько сосредоточенным и серьезным, что сомневаться, правду говорит он или издевательски врет, Антону даже не приходилось. – И, если количество времени Вашего физиологического существования удовлетворит принимающую сторону, то можете быть довольны – денежное вознаграждение будет сверхдостаточным, чтобы последние двенадцать дней провести так, чтоб чертям тошно стало! – сказал, залихватски дернув рукой, бармен и пододвинул к Антону фужер с ярко красной жидкостью.

- Что это? – пьяно спросил Антон.

- Это не земной напиток! Дьявольски вкусный! Пейте же скорее и все сбудется!

Антон взял фужер. Полюбовался на диковинную жидкость. Вдохнул ее дурманящий аромат, и с наслаждением выпил залпом весь фужер. В тот момент наступило блаженство. Антон это ощутил всем телом. Голова закружилась, пробежала мысль: «Как хорошо все складывается, наилучшим образом, как я и хотел... - блаженно думал он, - а вот и номер телефончика нужный». На зеркальной стенке бара красной помадой были крупно написаны цифры. Рука Антона набрала их на телефоне.

Сквозь просыпающееся замутненное сознание проявлялись какие-то лица и голоса людей в белом.

«Врачи, что ли», - подумал, озираясь, Антон, ощущая тупую боль в надбровных дугах и висках.

Сразу подняться в вертикальное положение не было никакой возможности, Антон осмотрел себя и понял, что он пристегнут ремнями к больничной койке.

- Где я? – продирая горло, спросил он.- Кто Вы?

Приветливый женский голос отозвался:

- Доброе утро! Вы находитесь в лучшей палате нашей больницы. Все исследования уже проведены. Справа от Вас на столике лежит контракт и причитающаяся Вам денежная сумма. Как Вы и просили, наличными, – девушка еще раз очаровательно

улыбнулась и добавила: - Руководство нашей фирмы поручило мне поздравить Вас с огромным вознаграждением, которое вам начислили. Поверьте, далеко не каждому так везет, как Вам. Просыпайтесь, умывайтесь. Вот Ваша одежда. Снимайте халат, переодевайтесь и можете идти домой. Все самое приятное у Вас впереди! - девушка ловко расстегнула ремни на руках и ногах Антона и направилась в сторону выхода из палаты.

- Пойдите! - окликнул ее Антон, - какой контракт? С кем? О чем?

- Контракт был Вами прочитан и завизирован сегодня ночью. Можете убедиться сами. Всего Вам самого наилучшего! - девушка продолжала улыбаться, пока не повернулась к двери и не вышла из палаты, в которой остался лежать один Антон.

Когда она вышла, Антон быстро поднялся, схватил бумаги на столе и стал читать объемный текст, перескакивая через слова и ища нужное место.

«Вот оно, главное» - сказал Антон.

И стал читать медленно, с трудом понимая смысл текста.

«Настоящим контрактом я, Антон Геннадьевич Брындин, обязуюсь обменять свое физиологическое существование от сего дня до дня биологической смерти на денежный эквивалент...

...Даю свое согласие на введение мне в организм микрочипа с программой, рассчитанной на двенадцать дней до остановки биологических и физиологических процессов жизнедеятельности моего организма...

Число. Подпись Брындин».

Антон выронил листки из рук. Некоторые из них залетели под стол и под каталку.

- Этого не может быть! - пробормотал он. - Мистика! Где я?

Он рванул к двери палаты. Распахнул ее и попал в больничный коридор, по которому шли в разные стороны люди. Он подскочил к первому встречному человеку в белом халате и с бейджиком, и спросил, задыхаясь от волнения:

- Где я? Скажите! Как я попал сюда?

Человек совершенно спокойно отвечал:

- Вы только что вышли из палаты операционно-исследовательского Центра. Попали Вы сюда, видимо, как и все - на каталке. Кто Вас принимал - сказать не могу, не знаю. Я не работаю в этом Центре, наша клиника лишь сдает в аренду это помещение.

Смотрите свой контракт, - сказал осведомленный человек и ушел от ошарашенного пациента.

Антон вернулся обратно в палату. Подошел к больничной кровати и поднял контракт. Еще раз прочитал документ внимательно, насколько это было возможно в его состоянии, и прошептал понимающе-обреченно: «Моя подпись на каждом листе... Судя по всему, обратной дороги у меня нет». Рядом на стуле лежал кожаный кейс. Антон открыл его и даже отпрянул на секунду от увиденной суммы денег.

«Видимо, я мог бы еще долго жить, - подумал он и, горько усмехнувшись, добавил: - Хотя, зачем мне такая жизнь?» Мысли побежали в другую сторону от жизни - в разгул и предсмертное веселье. Надо было торопиться.

Брындин вновь вышел в больничный коридор. В правой руке он сжимал кейс с огромной по его понятиям суммой денег, а в левой руке - листки контракта. Антон пошел по коридору на выход, глядя себе под ноги и стараясь не обращать внимания на окружающих. Он не положил листки в папку, и вдруг, наткнувшись на внезапно выкатившуюся из лифта каталку, выронил бумаги из руки:

- Простите, пожалуйста. Простите, - тут же заиспугавшись перед ним женщина, которая везла каталку, с лежащей на ней девочкой, - я сейчас Вам помогу, - сказала она и отодвинула каталку в сторону, что-то быстро шепнув на ушко девочке.

Женщина даже опустилась на колени рядом с Брындиным, чтобы легче и быстрее собрать пачку листов. Антон машинально присел на корточки, несколько заторможено стал забирать из рук женщины бумажки, и клал их в папку. Всякий раз, когда женщина передавала листки Антону, их взгляды пересекались. И от мимолетных скольжений стали перерастать в приглядывание друг к другу.

Антон увидел, что на белом халате нет бейджика, как у врачей этой больницы. «Значит она не врач, - подумал он, - Какое ангельское лицо, словно с картины!»

Женщина, и вправду, была интересной внешности. Кому-то она могла бы показаться, просто, симпатичной блондинкой, а кому-то - красавицей. А для кого-то стать прекраснейшей из всех живущих. Но вряд ли бы нашлось здорового человека, который не заметил бы ее бесспорной привлекательности. Во все времена этот тип женщины был превосходен и восторжаем: магнетизм ярко-голубых глаз, темная аккуратность бровей, чувственные,

завораживающие своими плавными движениями, губы, которые создавали красивую белоснежную улыбку. К тому же, словно рисованные мастером, женственные линии стройной фигуры и блеск белых волос, спадающих на плечи.

Бумаги были собраны. Женщина поднялась с колен. Встал и Антон. Он будто застыл на месте и заморожено смотрел на женщину. С каталки нежный детский голос позвал:

- Мама, ты все или еще нет?

- Да-да, уже все, малышка. Сейчас поедем.

Антон очнулся.

- Как я Вам благодарен, - сказал он. - Вы даже не представляете, как!

- Отчего же такая благодарность?- мило застеснялась женщина.

- Я всего лишь помогла Вам собрать листки.

- Не только это, - смутился и Антон и пробовал объясниться: - Ваше, пусть и такое мимолетное, участие ко мне вернуло меня к жизни, - еще через паузу, в которой она ждала, Антон добавил: - Через Вас какой-то свет пролился... Простите. Я что-то не то говорю, - окончательно ступешался он.

Антон сам не понимал, как он может незнакомой женщине произносить такие слова, которые никому ни разу в жизни не говорил.

- Вы меня смущаете, - улыбаясь, сказала женщина. - Но эти слова и то, как Вы их говорите, мне очень приятны. Даже странно все это. Я уже долгое время выслушиваю одни лишь врачебные указания, - здесь женщина словно вернулась к реальности и сказала Антону:

- Нам пора на процедуры. Спасибо Вам за Ваши слова!

- Мне ли спасибо?! - удивился Антон, - это Вам спасибо! - он набрался необычайной для себя смелости и сказал: - Позвольте узнать Ваше имя?

- Меня зовут Вера. А дочку Наденька. А как Вас зовут?

- Антон.

- Вот и замечательно, - Вера мило улыбнулась, протянула свою руку для знакомства, но у Антона руки были заняты. И Вера провела своей ладонью по предплечью Антона. У него опять чуть не выпали листки.

- А теперь нам надо идти, прощайте Антон. Всего Вам доброго! - сказала Вера.

- До свидания, дяденька! – замахала ручкой девочка.

Затем мама взяла каталку с дочкой и повезла ее в сторону от Антона.

«Как это все необычайно!» - думал он, выходя из больницы.

На улице уже рассвело, и опять было девять, но только утра.

«Какие-то двенадцать часов, а как много изменилось», - подумал Антон.

День обещал быть прекрасным. Чернь неба окончательно растворилась на задворках горизонта, и небосвод засиял чистотой. Стекли в стоки вместе с грязью лужи. И совершенно легкий морозец подбадривал заспанных, вечно спешащих пешеходов.

Голова уже почти не гудела. Во всяком случае, мозг работал в правильном направлении – он скомандовал Антону спрятать кейс в камеру хранения на ж/д вокзале.

Антон довольно быстро на подвернувшемся такси добрался до вокзала. Зашел в индивидуальный хранилищный блок. Нашел пустой сейф-ячейку, открыл его, положил вовнутрь кейс. Достал из него несколько пачек денежных купюр и рассовал по карманам. Прочитав инструкцию, отпечатал большой палец руки на крохотном мониторе сейфа. Закрыл его и пошел на выход из вокзала.

На привокзальной площади достраивалось третье кольцо автострады. А по первому и второму уже неслись вереницы машин.

Антон присел на лавочку-трансформер. Мягкий пластик лавки подстроился под контуры его тела и позволил немного расслабиться. До Антона уже совершенно четко стало доходить понимание того, что он сделал со своей жизнью за последние полсуток. Рассуждая сам с собой без лишних эмоций, он думал: «Из всего, что со мной случилось можно выделить два положительных момента. Первое, что я, вообще, жив. Второе, что у меня есть куча денег. Что касается первого, то жив я ненадолго. И про меня можно сказать «живой труп», - грустно усмехнулся Антон. – А вот, что до второго, то надо радоваться, что продал я жизнь свою не за грош и в кейсе у

меня реальная куча денег! И сейчас я иду прожигать остатки своей бестолковой жизни в безудержном веселье!»

Тут он резко встал с лавки, и она приняла прежний горизонтальный вид.

«Хоть это и глупо для человека, которому осталось жить двенадцать дней, но сейчас я зайду в самый дорогой магазин и, пусть меня облизывают!» - решил Антон и направился к искрящимся огнями иллюминаций витринам стоящих на привокзальной площади VIP- салонов европейской одежды.

Он зашел в первый из самых модных бутиков. На его изрядно помятый внешний вид сонно и лениво глянули две модно одетые продавщицы:

- Вы не ошиблись вагоном? - хихикнула одна.

- Электричка на Курундус останавливается в другом месте? - вторила ей другая.

И они совершенно бесцеремонно рассмеялись.

Антон, на удивление продавщицам, тоже засмеялся и сказал:

- Девушки, какие вы молодцы! Над вашей бестактностью не властны ни время, ни люди! И только одно есть средство от вашего хамства! - здесь он сделал выжидательную паузу и на нее попались девки:

- Дядя, щас охрану вызовем! Иди отсюда по-хорошему!

- Позвольте, все же скажу, какое средство переделает вас за секунду!

Девки испуганно переглянулись, но Антон уже продолжил:

- Деньги! - и он достал из кармана пачку денег.

Продавцы встrepенулись и принялись объяснять свои предыдущие неуважительные слова всевозможными историями про залетных монстров из близлежащих к мегаполису деревень.

- Ладно, - оборвал их Антон, - ваш час пробил! Создавайте из меня дядю из журнала.

Первые шестьдесят минут Антон тащился от прикованного к нему сверхвнимания продавцов. Почувствовав запах денег, примчалась и хозяйка магазина, которая не ленилась застегивать пуговицы на пиджаках Антона. Затем, вся эта напускная лесть, выражаемая в однотипных фразах: «это Ваш цвет», «в этом Вы так солидно выглядите», «Ваш размерчик», «идеально сидит», «ни на ком так, как на Вас» - ему пристыли

и, оплатив несколько больших пакетов, он направился к вызванному к входу такси. Перед дверями Антон обернулся и, совершенно беззлобно, сказал на прощание:

- Девушки, не бывает в жизни посторонних людей и случайных встреч. И никогда не знаешь, как все обернется, даже через несколько мгновений. Всего доброго!

И он уехал. А продавцы еще долго своим знакомым и во всех подробностях и красках рассказывали историю про странного и очень богатого «дядю с электрички».

Автомобиль вез Антона в его квартиру на Ипподромский жилмассив. Водитель был разговорчивым малым и все болтал о вчерашнем жутком ливне. Антон подумал: «А ведь у меня сейчас есть возможность купить себе любую машину!». Он испытывал некое чувство победителя – он может почти все, что захочет! Вот только какой ценой...

«А на что идут солдаты удачи? – продолжал рассуждать Антон под болтовню водилы. – Они готовы отдать свои жизни за деньги. И далеко не всем удается прожить от сражения до сражения хотя бы две недели, а вот мне гарантировали!» - грустно и про себя шутил Антон. – И все же, - сменив тему, домыслил он, - мои деньги в бутике заставили продавцов подпрыгивать. Я все прекрасно понимаю, что уважали девушки вовсе не меня, и не передо мной млела хозяйюшка магазинчика, а перед пачкой денег, что в конечном итоге и оказались у нее. Но вот ведь, что интересно - такого наслаждения от заискивания я никогда не испытывал! Да и кто бы передо мной стелился?! А ведь это оказывается кайфово! Ладно, навечно почитание людей не купить деньгами, а мне и не надо. А на двенадцать-то дней уважать себя заставить - денег у меня хватит! – разудалая самоиздѣвка подвела невеселый итог размышлениям.

Две недели впереди казались не таким уж и малым сроком...

- У меня вчера дочурка простыла напрочь! – сказал вдруг водитель и Антон впервые за несколько минут услышал его. – Всю ночь с матерью глаз не смыкали. Прямо, душа разрывалась на части за нее. И «скорую» вызывали, и что только не давали. Чуть получше только под утро стало. Безвинное дитя, а такие муки! В такие моменты готов сам в сто раз больше переболеть, лишь бы ребенок не страдал. Надо бы ей что-нибудь приятное сделать. Как Вас отвезу, в магазин игрушек заскочу...

Что-то кольнуло в сердце Антона, когда он услышал о больном ребенке.

- Зачем откладывать - сейчас едем, - сказал вдруг Антон. И повторил однозначно: - Едем за игрушками!

Водитель удивился:

- Да ладно, я потом съезжу. Что Вы из-за меня будете время терять!

- Нет-нет! Это важно. Мне тоже надо. Сколько лет Вашей дочке?

- Семь скоро будет.

- Вот и хорошо. Как раз лет семь и еще одной девочке. Вместе и выберем игрушки. В самый лучший магазин поехали.

Водитель лихо развернул машину и помчал по скоростной «Ипподромке».

В магазине Антон сразу взял электромобиль с продавцом-консультантом и втроем они поехали по залам «Детской планеты». С водителем своего такси Антон уже познакомился. Его звали Роман. Антон часто спрашивал Романа, может ли понравиться та или иная игрушка его девочке, и на утвердительный жест указывал консультанту на игрушки, которые тут же доставлялись на упаковку. Игрушки заказывались по две. Парнишка-водитель сначала не понял намерения Антона и постарался объяснить свою финансовую невозможность покупки таких дорогих игрушек. Но Антон, не без приятного для себя ощущения делать доброе, объяснил, что это подарки для его заболевшей дочурки и еще одной девочки, которая сейчас лежит в больнице. В объемный багажник такси только-только вошли пара больших мягких львят, которые могли сами вставать на лапы, мурлыкать и ложиться клубочком; куклы «Супер-Барби», умеющие повторять движения за ребенком и знающие таблицу умножения; а также пара сияющее-голубых платьев Принцесс, расшитыми сверкающими стразами, в форме ангелочков. Роман был в приятном шоке и предложил Антону сопровождать его на машине, когда и куда он скажет. Так и договорились.

По приезду домой, приняв душ, побрившись и наскоро перекусив, Антон надел на себя одну из двенадцати недавно купленных белых сорочек, классический серый шерстяной английский костюм, и повязал глубоко синий атласный галстук, так же один из двенадцати.

«По одному на каждый день», - думал он, когда покупал это количество.

Костюмов куплено было меньше. Семь или восемь. Таких, о которых недавно не мог и мечтать. Цену их он так и не узнал.

Раньше было не к чему, а теперь неинтересно. Он огляделся в большом зеркале и с удивлением отметил неожиданные перемены в себе: нечто мужественное и красивое появилось во взгляде, осанке. И в голове мысли не бежали как раньше наперекосяк, а выстраивались в волевые решения, которые необходимо было исполнять.

Антон вышел из подъезда, сел в поджидавшую его машину и сказал водителю куда ехать. Роман продолжал болтать без усталости и периодически критиковать своих коллег.

- Машины стали лучше, точно компьютеры на колесах, а мозги и наглость у людей – все та же! – разорялся он, когда их электромобиль подрезала какая-нибудь навороченная тачка.

Антон направлялся в больницу. К той самой девочке, что была на каталке, с которой он столкнулся. Почему он делал это? Толком Антон еще не мог ответить на этот вопрос. Просто, он очень хотел этого. Всем сердцем. Это был порыв его души, которая словно проснулась от глубокого сна. И впервые в своей жизни он действовал по велению своего сердца. И от этого он ощущал радость.

Антон вспомнил лицо малышки на каталке. Он видел его всего лишь миг, но успел заметить, как они похожи со своей мамой.

«Как будет прекрасно, когда вырастет из этой малышки такая же красивая девушка и подарит счастье достойному человеку. У них появятся дети, и красота продолжит жить», - думал он.

С чего бы это, но у Антона выступили слезы. Он достал платок и прикоснулся им к закрытым векам. Шелковый платок пахнул свежим ароматом одеколona. Антон развернул его и полностью закрыл им лицо, откинув голову на высокую спинку кресла.

По дороге Антон купил в цветочном магазине охапку нежнейших роз для мамы девочки. Розы были выбраны по цвету волос Веры – белые.

Роман подогнал машину как можно ближе к крыльцу больницы и стал доставать игрушки из багажника. В регистратуре Антону пришлось не мало потрудиться, чтобы объяснить, к кому он пришел. Пришлось рисовать портрет женщины, насколько уж он умел, и рассказывать об обстоятельствах его знакомства с Верой. Последнее было нужно девушке из регистратуры, чтобы пояснить по внутреннему телефону самой Вере, кто хочет видеть ее. Благо, девушка за окошком была сообразительная и быстро вычислила пациентку Наденьку и ее маму Веру. Палата, в которой они жили, именно – жили, потому как Вера и Наденька находились здесь уже с полгода, была предусмотрена для

приема посетителей. И время перед обедом позволяло не долгое посещение. Антон поднимался на лифте, еле удерживая в руках девичью радость в виде игрушек и розы для Веры, и у него сжималось сердце от ожидания будущей встречи.

«Что я скажу Вере? Не покажется ли мое вторжение бесцеремонным? А что подумает ее муж, когда узнает о моем посещении? Скажу, что пришел извиниться за неловкую ситуацию возле лифта. Подарю цветы и игрушки. Пожелаю здоровья и удалюсь. Ни к чему не обязывающее посещение больного ребенка», - улыбаясь своим рациональным мыслям, Антон шел по коридору в 33-ю палату трансплантационного отделения.

Перед дверью глубоко вздохнул и постучался.

- Да-да, входите, - прозвучал нежный женский голос.

Антон открыл дверь и осторожно, чтобы ничего не выронить из рук, вошел в палату.

На него смотрели два ангела: мама и дочка. Наденька сидела на своей кровати. А мама стояла рядом и улыбалась гостю.

- Здравствуйте! - первым сказал Антон, и протянул белое цветочное чудо Вере, а игрушки стал раскладывать на кровати.

Вера была в приятном шоке от изумительных роз, а дочурка в восторге от игрушек, даже не говорила ни слова, боясь подумать, что этот львенок, кукла и волшебное платьице предназначено не ей. Но тут Антон развеял страхи малышки:

- Мимо пробежал зайчик и просил меня эти игрушки передать Наденьке.

Только тогда девочка выдохнула и обняла львенка.

- Спасибо Вам, Антон! - сказала Вера и вежливо спросила: - Зачем же Вы так потратились?

Но восторженная Наденька, отпустив льва и уже держа в руках куклу, не дала времени на ответ:

- Большущее, большущее спасибо Вам, дяденька! Вы, наверное, волшебник!

- Это почему ты так решила? - спросил Антон.

- Потому, что, во-первых, я знаю, что зайчик не смог бы столько принести, - рассуждала по-взрослому, Надя. - А, во-вторых, об этой кукле я очень давно мечтала, еще с детства, но мама не могла мне ее купить. А Вы узнали об этом из моих снов и принесли.

- Надюша, - сказала мама, - Дядя Антон не волшебник. Он, просто, хороший, добрый человек. И давай-ка мы его за это вместе поцелуем.

- Давай! - весело согласилась Наденька и даже захлопала в ладоши.

Антон безропотно и с удовольствием нагнулся над кроватью девочки, подставив ей правую щеку, а левую предоставил маме. Они чмокнули Антона почти одновременно, а Наденька успела потрепать его давно не стриженные волосы. Это было так мило и приятно!

Вера спросила гостя, что он будет пить: чай или кофе.

Антон попросил кофе. И Вера нажала на нужную кнопку в автомате.

- Как же Вы надумали прийти к нам? - спросила Вера, не скрывая удивления.

- Мне нет смысла придумывать что-то, - сказал Антон, не сводя глаз с лица Веры. - Я скажу так, как есть на самом деле: мне показалось, что я вам нужен и смогу помочь чем-нибудь... - Антон не ожидал от себя такой откровенности, но этой женщине он не мог говорить неправду.

- Спасибо Вам, Антон. У Вас доброе сердце, - сказала Вера, - но, боюсь в нашем случае этого не достаточно.

- Надо верить, что для добрых сердец нет ничего невозможного, - сказал Антон и, не отрываясь, смотрел в глаза Вере.

- Вы говорите то, что и я думаю, - отвечала она. - Вы говорите моими мыслями и надеждами. Вот мы с дочкой и надеемся на чудо. Терапия уже плохо поддерживает необходимое состояние организма. А хирургическое вмешательство стоит немислимых денег, - грустно сказала Вера и стала разливать кофе. - Расскажите нам с Наденькой о себе, - вдруг попросила она.

Антон смутился и не мог начать разговор.

- Дядя Антон, ну где Вы работаете? Где живете? Есть ли у Вас жена и маленькие? Об этом мама спрашивает, - пояснила Наденька и добавила, артистично показывая грусть, - А вот мы с ней одни-одинешеньки!

Мама засмеялась и шуточно погрозила пальчиком дочке.

- А, это! - понял Антон. - Ну, хорошо, Наденька. Сейчас дядя Антон, то есть я, работает, как ты уже поняла, волшебником и может исполнить любое твоё желание!

Антон намеренно сказал это, надеясь услышать то, что и прозвучало в следующую секунду:

- Дядя Антон, я хочу выздороветь! Очень хочу! Ну, пожалуйста!
- Наденька восторженно от появившейся возможности замахала ручками.

А мама попыталась успокоить дочку:

- Солнышко мое, надо верить в лучшее и все сбудется! - Вера подошла к кроватке и стала гладить Наденьку по воздушным, светящимся волосам.

В палату постучали, и медсестра предложила обед.

Антон поднялся со стула. Подошел к постели Наденьки. Взял ее ручку, понес к губам и поцеловал.

- Мне пора, - сказал он, - Волшебнику Антону надо еще успеть сделать одно большое доброе дело.

Вера проводила Антона до дверей палаты.

- Мне кажется, мы так давно знакомы, - говорила она, глядя ему в глаза. - Ощущение такое, что я Вас когда-то давно потеряла, а сейчас нашла, - она опустила смущенно глаза, и снова подняла их, - а теперь вновь теряю...

- Вы говорите то, что и я думаю, - сказал Антон. - Я буду счастлив для вас сделать чудо.

Неожиданно для себя Антон взял в свои мягкие ладони лицо Веры и, не боясь быть отторгнутым, поцеловал ее в губы. Трепет прошел по всему его телу. Могли ли быть еще более счастливые мгновения в жизни?

Могли, наверное, но не в его жизни...

«Зачем же, чтобы обрести, надо было все потерять», - подумал он и сказал: - Прощайте! Я никогда Вас не забуду!

Если бы Антон не вышел сейчас же, он увидел бы слезы на глазах Веры.

А Вера увидела бы влажные от переполняющего чувства глаза Антона.

Антон направился в кабинет главного врача больницы. Главврач был на месте. Без лишних слов, Антон попросил у него две минуты внимания. Антону нужно было знать, сколько стоит необходимая операция девочки. Главврач, со спокойствием финансиста озвучил космическую сумму. Антон на секунду

растерялся: «А есть ли столько денег у меня?» – мелькнуло в голове.

- А когда может быть произведена операция? – спросил Антон.

- В сложившейся ситуации по состоянию здоровья пациентки операция необходима в ближайшее время, – ответил врач, и добавил самый важный для руководителя клиники нюанс: - Как только будут получены деньги.

Уже через несколько минут Роман вез Антона на ж/д вокзал. В хранилищном блоке Антон достал из сейфа кейс, внес его в секретную комнату, закрылся за собой и открыл его. Как же хорошо они смотрелись – эти новенькие, одна к одной пачки купюры! С их помощью Антону доступно было все, что он бы пожелал! Любые его самые тайные желания, обворожительные красотки, капризы, игрища, безумства, наконец! Осталось еще целых двенадцать дней и ночей! Их можно было залить весельем и шампанским на самых прекрасных курортах земли! «Ни разу в жизни ты не испытывал удовольствий, которые теперь стали доступны тебе, – какой-то вкрадчивый внутренний голос, похожий на голос того доброго человека, что предложил напиток, вторгся в мозг Антона и нараспев шептал: - Используй свой ша-анс! Другого раза не бу-дет!»

Антон встряхнул головой, на редкость для себя грязно выругался, и принялся считать пачки купюр. Через несколько минут, он облегченно и радостно вздохнул.

«Остатков моей жизни хватило ровно на столько, чтобы спасти жизнь маленькому ангелу. Моя бездарно прожитая и потерянно-проданная жизнь может еще принести доброе. Хотя бы напоследок, – подумал он и почувствовал, как его грудь распирает от радости той жизни, которую он не долюбил в себе и возлюбил в ребенке.

Он развязал и снял галстук. Расстегнул рубашу и нащупал нательный крестик.

«Могу ли я распорядиться своей жизнью, данной мне Богом, как хочу? – подумал он. - По сути, я уже совершил самоубийство, продав за деньги свою жизнь. Я знаю, что это грех перед Богом и перед собой. Но я прошу, Господа моего, простить меня и разрешить искупить грех добрым делом моим». Антон давно не обращался к Богу, а сейчас он перекрестился, поцеловал крестик и застегнул рубашу. Повязал галстук. С легкой душой закрыл кейс и вышел из хранилища.

Через час на столе у главврача лежал кейс с огромной суммой денег.

Хозяин кабинета совершенно не ожидал увидеть такое. Выписал направление на оплату и сам лично сопровождал Антона в кассовый зал.

А еще через полчаса таксист Роман вез счастливого Антона в гипермаркет.

- Ну, как все прошло? – не удержался от вопроса Роман.

- Отлично! – ответил сияющий Антон.

- Слава Богу! – сказал обрадованный Роман, и, подбадривающее, подмигнул

Антону. – А как здоровье девчоночки?

- Теперь будет в порядке. Я очень в это верю! – ответил Антон и вдруг попросил Романа: - Ты, пожалуйста, загляни в больницу через двенадцать дней. Узнай в регистратуре, как там дела у моих, Веры и Наденьки из трансплантологии, в окошке поймут. Хорошо?

- Да не вопрос! Конечно, заеду! А что сам-то?

- У меня не получится сделать это, - сказал Антон и почувствовал, как защемило в сердце, и комок подобрался к горлу.

Тем временем они подъехали к магазину.

Антон стал покупать продукты. Побольшей части, не скоропортящиеся. И в этот раз цены были не безразличны Антону. У него осталась некая сумма денег, не истраченная в модном бутике. Но эта сумма была не вполне достаточной, что бы покупать все без разбору. Роман, чтоб не томиться в машине, ходил с Антоном. Наглядевшись на весь процесс выбора еды, он спросил:

- Никак на отдых куда собираетесь?

- Собираюсь, Рома. Именно, на отдых. Через уже почти одиннадцать дней. А вот эти одиннадцать дней до отдыха мне надо прожить тихо и наедине с собой. Поэтому и затариваюсь продуктами, - отвечал с душевным спокойствием в голосе Антон.

Наконец они расплатились за продукты и погрузили их в машину. Доехали до десятиэтажки Антона, и он пригласил зайти к себе и Романа, который тоже нес пакеты с купленными съестными запасами. Зайдя в квартиру, Роман очень удивился скромности жилища щедрого клиента. Антон, тем временем, распахнул шифоньер, и достал оттуда запакованный костюм от кутюрье.

- Должен подойти, - сказал он, протягивая костюм на вешале Роману. - Это за помощь. Денег, как ты понял, уже у меня не осталось.

Роман отпрянул:

- Что Вы! Да я еще неделю пахать на Вас должен за игрушки! - отказывался от подарка Роман.

- Бери, бери! Мне будет приятно! - настаивал Антон.

Роман после этих слов согласился. С минуту с благодарностью он жал руку Антону и затем, попрощавшись, уехал.

Антон взял продуктов в примерном расчете на одиннадцать дней одиночества.

В последние двенадцатые сутки дверь в свою квартиру он намеренно не закрыл на ключ. Дождавшись полуночи, Антон надел белоснежную рубаху, глубоко синий с перламутровым отливом костюм, повязал красный галстук и выпил изрядную дозу снотворного. Иначе, как он сам решил, уснуть бы не смог. А окончание своей жизни он хотел встретить во сне.

Антон лег на аккуратно заправленную кровать. Он был спокоен, мысли его были легки, а душа чиста, как может быть у человека, уверенного в правильности сделанного им шага.

«И все же, как бы то ни было, я не зря пришел в этот мир, - рассуждал Антон. - Может быть, мое предназначение и было в том, чтобы спасти жизнь ребенку. Это была моя миссия. Я не жалею ни о чем. Я ухожу и оставляю после себя жизнь девочке. А мир станет еще добрее и прекраснее».

Утро тринадцатых суток разгорелось огнем солнечных лучей, тщето пытающихся прорваться через задернутые шторы квартиры, где проживал Антон Брындин.

Из лифта его подъезда вышли мужчина, женщина и девчонка, лет семи и пошли по небольшому коридору в направлении квартиры Антона. Мужчина безостановочно болтал, а женщина была невероятно красива. Девочка держалась за руку женщины и была очень похожа на нее. Мужчина нажал на звонок квартиры, и было слышно, как играет музыка звонка за дверь. Но на звук никто не отвечал. В квартире было тихо.

- Может, он уехал? - спросила мужчину женщина.

- Да нет же, нет! - отвечал мужчина и снова активно нажимал на звонок. - Говорю же Вам, он при мне потратил последние деньги

на продукты и сказал, что никуда одиннадцать дней не уедет.

- Но на сегодня уже прошло больше дней, - огорченно говорила женщина и прижимала к себе маленькую девочку.

- Да, - согласился мужчина, - прошло больше дней. Но к вам в больницу Антон просил зайти именно через двенадцать дней.

- Я все эти дни ждала его...- сказала женщина. - Слава Богу, что хотя бы Вас дождалась! Что же могло случиться с Антоном? - тревожилась женщина.

Тут мужчина с досады стукнул по двери, и она распахнулась.

Первым переступил порог мужчина.

- Антон, Вы дома? - громко спросил он.

Но никто не ответил. Мужчина прошел в комнату. Женщина и девочка остались стоять в коридоре. Они могли видеть мужчину, который, пройдя в комнату, застыл на месте, словно не зная, что делать дальше. Его взгляд упирался в одну точку.

- Что там?- сразу спросила женщина.

- Похоже, - голос мужчины дрожал, - вам сюда не следует заходить.

- Немедленно говорите, или я вхожу! - потребовала встревоженная женщина. - Выйдите и по стойте с ребенком! - скомандовала она.

И когда мужчина вышел к ним в коридор, влетела в комнату.

На широкой кровати в красивом перламутровом костюме в самой удобной позе для сна - на спине, и с вытянутыми вдоль тела руками лежал с закрытыми глазами Антон. Он был недвижим. Из груди женщины вырвался крик, и она кинулась на колени перед Антоном. Схватила его руку и принялась целовать. Мужчина не смог удержать девочку, и она вбежала в комнату.

- Мама, мама, - закричала она, - что случилось с дядей Антоном? Он спит? Почему он не просыпается?

Мама рыдала и сразу ничего не могла ответить дочке.

Девочка заплакала и стала смахивать своими маленькими кулачками слезы.

Затем мама приобняла дочку и сказала:

- Я не знаю, Наденька, что с дядей Антоном. Наверное, он уснул. Мне даже страшно подумать, что теперь он никогда не

проснется. Мы с тобой знали его так недолго, но он стал для нас самым родным человеком.

Мама не могла говорить дальше. Из ее красивых глаз текли, не переставая, слезы. Она плакала навзрыд, не в силах что-либо сделать.

Девочка положила свою маленькую головку на руку Антона и сжимала в своих ручонках его пальцы.

Роман стоял рядом. Он был некоторое время в оцепенении, затем подошел к окну и распахнул шторы.

Скопившаяся на шторах солнечная энергия жизни нового дня ворвалась в пространство комнаты. Луч солнца озарил лица Антона, и не прошло и нескольких секунд, как его веки дрогнули, а затем глаза открылись.

- Антон, любимый! Ты жив! - закричала, не веря своему счастью, женщина и стала осыпать поцелуями лицо Антона.

- Дяденька Антон, Вы спали? А мама боялась, что Вы не проснетесь! А я знала, знала, что Вы откроете глазки! - лепетала радостная девчушка.

- Вот и, слава Богу! - произнес за последние несколько минут первые слова Роман.

Антон не мог сразу прийти в себя, находясь еще под действием снотворного. Но ощущение реальности к нему уже начало возвращаться.

- Вера? Наденька? Это вы? Милые мои! Как же вы смогли меня найти? - говорил, присаживаясь и озираясь, Антон. - Роман, друг мой, и ты здесь! Как это все удивительно! Почему я сейчас с вами? Как такое могло случиться? Я не должен был больше увидеть вас в этом мире!

Прекраснейшая из женщин обняла Антона, прижав к своей груди, погладила его по давно не стриженным волосам и говорила слова, от которых никогда не перестанут трепетать сердца людей:

- Любовь, которую ты принес мне, и жизнь, которую помог спасти моей дочке не могли отпустить тебя от нас. Любовью живет мир. Таково провидение Божье. И никто не властен над ним! Ты вернулся к нам, и мы будем с тобой навсегда! Чтобы жила красота и любовь и дальше!

2008 год. Редакция 2023 г.

artalexm@inbox.ru

+7-913-013-59-99

Алексей Маркс, г.Новосибирск

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>